

В. ЗУБОВ

Разрушение государственного сознания в СССР

Как известно, всякий человек нуждается в каком-либо сверхличном целом, с которым он мог бы себя отождествить. В таких сверхличных целостностях человек ищет принципа и основы для жизни вместе с другими людьми или просто деятельности или переживания, которые выводили бы его за рамки собственного «я». Индивид ищет приобщения — социального (государственного, национального, религиозного, партийного и классового, профессионального и в личных отношениях); и культурного (духовного — переживание контакта с идеями и образами, и духовно-творческого).

Любого человека, живущего в социальной и культурной среде, можно охарактеризовать тем, какие из перечисленных центров притяжения интересов он использует для приобщения к сверхличному. Также путем выявления того, какие из этих центров притяжения используются чаще других, можно охарактеризовать разные государства и различные периоды их существования.

Социальные и культурные центры притяжения целесообразно разбить еще на базисные или общие, и на локальные. Общими могут быть только некоторые социальные (государство, нация и религия). Все остальные можно отнести к категории не общих, а локальных.

Основной тезис данной статьи в том, что в 70-х гг. в СССР люди, как кажется, все менее склонны отождествлять себя с государственным целым, все менее склонны чувствовать себя членами единого большого государства. Такой усиливающийся упадок эмоционального интереса к символу «государство» у масс населения является следствием новой внутривнутриполитической тактики советской власти, которая пытается выжить в современных условиях.

Дело в том, что советской власти сейчас выгодно существование лишь локальных человеческих объединений при частичном и даже

полном отсутствии масштабных народных единств. Выгода эта несомненна и понятна в тот период детоталитаризации мнений, который имеет место в СССР 70-х гг. и который невозможно остановить. Советская власть не терпит плюрализма мнений в государственных и общих вопросах, но бороться с этим все ширящимся плюрализмом методом прямой репрессии в масштабах, которые были бы эффективными, тоже уже не в состоянии. Поэтому она стихийно старается ориентировать интересы людей на локальные сферы жизни: пусть, мол, развивающийся плюрализм мнений, раз уж нельзя полностью от него избавиться, касается только этих локальных сфер. Советская власть в 70-е гг. берет курс на то, чтобы избавиться от «беспокойств» людей относительно «интересов государства». Ей теперь все менее нужно даже просто сочувствие масс, она поняла, что его достичь в современных условиях невозможно. И потому власть пытается базировать свою прочность исключительно на локальных сообществах, отвлекая людей в сторону от идентификации с государственным целым.

Однако советский народ отходит от символа «государство» вовсе не в силу отмирания потребности в отождествлении с ним. Потребность в приобщении к государственному целому присутствует даже в тех, в ком более или менее ярко выражено несогласие со многим происходящим, и несогласие это вовсе не мешает сохранению такой потребности. Почему так? Ответ на этот вопрос дан самой жизнью советской страны.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что даже советские лидеры, даже чиновники из партийно-бюрократических верхов не верят в соответствие действительности марксистско-ленинских «руководящих указаний». Да и зачем в них верить? Нынешним руководителям советской страны не до таких «изысков», как идеалистическая вера. Советские руководители — реалисты и практики, хотя и дурные реалисты и плохие практики, но уж во всяком случае не идеалисты. Им не до осуществления «благих намерений» былых манифестов, им лишь бы выпутаться из насущных проблем, сохранив, хотя бы в общих чертах — статус-кво, и хотя бы в какой-то степени уменьшить экономикокультурную отсталость от стран Запада. И потому они повторяют традиционные идеологические «заклинания» в силу инерции языка и растерянности перед всё увеличивающейся горой новых неразрешенных проблем. И надо быть или весьма пожилым советским сельским учителем, или весьма простодушным неопитом из левого движения на Западе, чтобы в них верить и относиться к ним мало-мальски серьезно. Советский маразматический стар и западный неоперившийся млад сходятся душа в душу — весьма поучительный

альянс! Советские отцы потеряли уважение собственных детей, и на эту психическую рану льют бальзам сочувствия дети «приёмные» из молодёжных левых движений на Западе. Чем не интернационализм, хотя и не классовый, а простого и универсального человеческого скудоумия!

Ни советские руководители, ни советская масса в идеологию не верят. Но совсем иное дело — государство. «Наше государство — это мы, живущие здесь, и свои проблемы нам нужно решать самим, не обращаясь к чужим, и сор из избы выносить негоже. Родину не выбирают, какая-никакая, а это наша Родина, и предавать её нельзя» — так вещают штампы советского сознания. И продолжают — «Мы — это не они, те, кто живут в других странах. У них кое в чём, может быть, и лучше, чем у нас, кое-чему можно и поучиться, кое-что можно и позаимствовать, но любить мы все-таки должны не ихние страны, но свою собственную». И как только зайдёт понастоящему серьёзный разговор с каким-либо человеком, несогласным с очень многим и многим в советской стране, как только перейдёшь границы критики частных и поставишь вопрос о системе в целом, говоря, что у «них», в других странах, всё-таки всё лучше, и даже их тяжёлые для них проблемы — лучше, потому что сам тип организации общества более совершенен, твой собеседник сразу же забудет свой былой критический пафос, и сразу же начнёт пылко тебе возражать, воскрешая идеологические лозунги, в которые сам не верит ни на грош. И всё же советское государство перестаёт восприниматься людьми как символ единства, не смотря на сохранившуюся в этом потребность.

Причина этого достаточно проста. В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОСТО ОПАСНО ИМЕТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ. Раньше было проще, потому что сознание это было, в основном, тоталитарным. Но в последние годы, поговорка «сколько людей, столько и мнений» — начинает верно отражать положение вещей с мнениями у советских граждан. Детоталитаризация мнений идёт во всех областях, будучи следствием, во-первых усиления процесса профессиональной дифференциации и во-вторых — связанной с этим усиливающейся индивидуалистической ориентации населения. Масса раздробляется на индивидуальности, из которых каждая норовит иметь собственное мнение. И когда мнение этого «каждого» касается частных жизни (материй профессиональных или пристрастий к тем или иным формам проведения досуга или методов воспитания детей), то советская власть относится всё более терпимо к такому плюрализму локальных сфер. Но вот когда мнение этого «каждого» начинает касаться государства в целом, то неизбежно получается, что мнение это не соответствует мнению

тех, кто по роду своей, так сказать — профессиональной деятельности имеет мнения о государственном целом и руководствуется им в вершении политики от лица этого государственного целого. Речь идет о носителях власти, о тех, кто состоит при государственном целом и «призван отправлять о нём заботу». Детоталитаризация мнений относительно государственного целого — опасна для стоящих у власти, и, как кажется, только это им и опасно.

Действительно, почему им должна быть в принципе опасна жажда материального благосостояния, чрезвычайно усилившаяся у советских людей с начала 60-х годов, или их жажда разнообразного и цивилизованного досуга?¹ Или почему им должно быть опасно желание иметь высокую профессиональную квалификацию, усиливающееся у молодёжи, или жажда молодёжи удовлетворения собственной любознательности, или профессиональная требовательность к себе, становящаяся у многих чуть ли не личным кредо? Раньше советские лидеры видели во всём этом опасность для своего существования и существования советского государства, потому что считали лишь тоталитарную связь массы и вождя и примат государственной структуры адекватными советскому строю и потому гарантирующими его сохранность. Тогда они относились крайне ревниво к появлению любой другой (локальной) структуры, любой цели помимо тоталитарной преданности, которая бы обязательно застила облик вождя, любого кумира, например, идеала собственной высокой профессиональной квалификации, который бы неизбежно отвлекал внимание от кумира верховного. (Отсюда традиционная антинаучная позиция советской власти с запрещением кибернетики, генетики и т. д.)² Теперь, однако, положение изменилось. Возникла необходимость развивать науку и производство, теперь советская власть может надеяться спастись только технической развитостью, технологической оснащённостью, продуктивной работой науки. А это значит — что нужно допустить к существованию весь комплекс нетоталитарных социальных образований, связанных с их существованием, большое количество локальных структур, которые будут отнимать внимание от государственной. И советские лидеры начинают чувствовать, что детоталитаризация во всех областях, за исключением — мнений о государственном целом, им не опасна, и более того, что пусть лучше люди вообще перестанут испытывать интерес к государству, чем будут продолжать воспринимать его в детоталитаристском контексте разнобразия мнений.

Сейчас советские лидеры уже предпочитают, чтобы люди забыли душой (и помнили лишь языком) о «едином советском государстве», и тем самым — устранили бы себя от какой бы

то ни было инициативы или волнений и «забот» по его поводу. Если придёт война — «партия кинет клич», тогда другое дело (сразу же произойдёт возврат к первозданному тоталитаризму), тогда опять начнётся исключительная апелляция к государственной структуре и, возможно, даже нацию опять отыщут и вытащат из подвала, но в мирное время пусть «каждый советский человек хорошо работает на своём рабочем месте — за станком, за доильным аппаратом, за университетской кафедрой, за чертёжной доской, за исследовательским прибором, а решать — как вести себя советскому государству, какую политику проводить — будут те, кто специально на это поставлен». Детоталитаризация в локальных сферах не опасна, но связанное с нею отвлечение людей от государства — даже выгодно, и советские лидеры своей безжалостной расправой с теми, кто «суёт свой нос в государственные дела» способствуют тому, чтобы люди оставляли флагманский корабль государства для «начальства», а сами «располагались в шлюпках вокруг».

Само существование сфер интересов помимо государственной стабилизирует жизнь в стране, упрочивает статус-кво и потому играет на руку власти. И чем более важны для людей эти иные сферы, тем более стабилизируется жизнь и тем в большем выигрыше власть. Единственное, чего она требует у населения — не соваться со своими мнениями относительно государственного целого, предоставить решать государственные дела тем, кто стоит у власти. И только в этом вопросе — мнений относительно государственного целого, советская власть не допустит никогда детоталитаризации, и здесь она будет стоять насмерть.

Как в этой ситуации ведет себя советский народ? Масса приспособляется. Тем более, что на государственных интересах свет клином не сошёлся — есть большое количество и других сфер. Как только человек начинает ощущать себя членом единого государства, и думать и чувствовать как его часть, он сразу же оказывается под обстрелом «ревнивых» глаз государственных чиновников и их агентуры, сразу же оказывается в опасности. И, спасаясь, индивид теряет интерес к государству, нарушается его идентификация с государственным целым. Он, как бы, отдаёт государство в ведение его «работников».

Если он простой человек, то он стихийно пытается перенести свою жажду причастности не только на локальные, но и на другие общие структуры — на нацию и, в меньшей степени — на религию. Но ни национальное, ни церковно-религиозное самоопределение не становится для большинства людей глубоким в серьёзном, метафизическом смысле — слишком радикально были прерваны

октябрьской революцией как традиция национального сознания, так и религиозно-духовного. Поэтому национальное самоопределение имеет место лишь в бытовом смысле, и чисто негативном, проявляясь в обиходном антисемитизме, антигрузинизме, антиармянизме, антикитаизме, антиамериканизме и т. п. Церковно же религиозные симпатии выражаются для многих лишь в эстетическом восприятии православных культов, ритуальных церковных богослужений и т. п. Люди, которым фактически — отказали в государстве, ища других общих сфер интересов, находят их ущербными, полужадушенными, потому что именно с ними боролось советское государство за право быть доминирующей структурой, когда после октябрьской революции пришло к власти, и именно их в первую очередь радикально изничтожало. Так что простому человеку остаются если не карьеризм, то хобби, водка, сексуальная распущенность. Интеллигенту же компенсация более полным набором локальных структур — из социальных профессиональной и личных отношений, из культурных — духовной и профессионально-творческой.

В СССР В 70-х ГОДАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ БАЗИРУЕТСЯ НЕ НА БАЗИСНЫХ — ОБЩИХ СТРУКТУРАХ, НО НА ЛОКАЛЬНЫХ — ВТОРИЧНЫХ. Однако локальные отличаются от общих — своею меньшею погружённостью в те глубины психики, в которых отложился опыт человеческой общности, своею меньшею связью с метафизическими измерениями общности между людьми.

Имеется, конечно, в Советском Союзе группа населения, которая не желает «сбрасывать государство со своих плеч», отказываться от интереса к проблемам государства в целом. Речь идет о тех, кого принято называть «диссидентами». Люди эти продолжают сохранять действенные мнения относительно государственного целого. И советские верхи им не прощают этого стремления «дублировать функции правительства». Однако, ради отстаивания своих мнений относительно государственного целого многие «диссиденты» готовы жертвовать собой.

Теперь попытаемся приложить нашу шкалу структур, посредством которых человек приобщается к сверхличному, к описанию нескольких типов индивидов.

Типичным тоталитарным индивидом тогда окажется человек, который самоопределяется через государство, партию и личные отношения.

Даже партийная принадлежность для тоталитарного индивида — просто возможность быть причастным к иерархии власти, и, следовательно, часть государственной.

Далее опишем типичного советского человека 70-х гг., не относящегося к интеллигентской среде. Он самоопределяется через — класс, партию, профессию и личные отношения.

Посмотрим, каков типичный советский интеллигент на нашей шкале. Он может самоопределяться через класс, профессию, партию, духовную деятельность, профессионально-творческую деятельность и личные отношения.

Для сравнения мы можем описать по шкале сфер интересов, скажем, типичного американского неинтеллигента и интеллигента.

Американский простой человек самоопределяется — через государство, нацию, церковно-религиозную принадлежность, партию, класс, профессию и личные отношения. Американский интеллигент самоопределяется через — государство, нацию, церковно-религиозную принадлежность, класс, партию, профессию, духовную деятельность, творческую деятельность и личные отношения. Для усугубления впечатления от сравнения выбора населением сфер интересов в СССР и США, отметим, что в Америке нация и церковно-религиозная принадлежность являются абсолютно самостоятельной ценностью по отношению к государству.

Результаты сравнения функционирования структур приобщения к сверхличному в СССР и США поражают и заставляют задуматься. У типичного американца, будь он интеллигент или неинтеллигент — НЕИЗМЕРИМО БОЛЕЕ ПОЛНЫЙ НАБОР ЭТИХ СТРУКТУР, ПРИЧЕМ У ИНТЕЛЛИГЕНТА — БОЛЕЕ ПОЛНЫЙ, ЧЕМ У НЕИНТЕЛЛИГЕНТА.

Общность советских людей распадается, настолько интерес к локальным сферам жизни не компенсируется интересом к общим. В США же, и расслоённость населения и его интегрированность — всё выражено сильно.

Америка — и плюралистическое общество, и единое. В Советском же Союзе 70-х гг. вместе с тоталитарной нерасчленённостью форм жизни выбрасываются из сознания людей и сами общие структуры (вместе с водой — ребенок). СССР всё более становится обществом без общественности³, чистым государством (в отличие от которого тоталитарное общество всё же — общество). СССР 70х годов правильно было бы определить как ТОТАЛИТАРНОЕ ГОСУДАРСТВО (в отличие от тоталитарного общества сталинского времени), как общественный строй, который пытается детоталитаризоваться не по сути, а путём исключения общих структур жизни.

Тоталитарное государство — это тоталитарное общество без общности, которая только и достигается совместным приобщением людей к базисным структурам жизни. Поскольку СССР может быть только тоталитарной системой и может сохранять общие структуры

только в тоталитарном контексте, т. е. без всякого плюрализма мнений относительно этих структур, то, вынужденный развивать локальные структуры, он пытается исключить общие совсем.

Карьерный и профессиональный фанатизм, крайности пьянства, гипертрофированное самоутверждение и чувство соперничества в человеческих отношениях, обилие «чудаществ» — чрезмерного увлечения частностями жизни, например, каким-нибудь хобби, наконец, фанатизм творческой работы (все советские достижения в науке и технике, в искусстве, в спорте — обязаны этому нечеловеческому надрыву, жертвы собой молоху того или иного частного дела)⁴ — вот проявления гипертрофии локальных сфер из-за невозможности для людей безбоязненно интересоваться общими. Стремление творить кумиров и идолов из людей, вещей, взглядов на жизнь, мировоззрений — вот что такое в социально-психологическом плане их гипертрофия.

Примат и давление госаппарата в СССР 70х гг. является следствием усиления государства не как общей структуры, вербующей себе широчайшие народные массы в челобитники и защитники, как в дохрущёвские времена, а как структуры локальной (профессиональной), в которую вовлечены партийцы, администраторы и осведомительно-военизированный аппарат физического подавления. Сейчас все те, кто служат советской власти, уже не ей, собственно, служат субъективно, а просто «служат», работают, зарабатывают деньги специфическим путём.

Была бы на месте советской какая-нибудь другая власть, они бы и ей служили точно так же. Нынешнее усиление советской власти достигается не только старыми, доставшимися в наследство от ленинско-сталинской системы средствами (беззаконие, всеисилие КГБ), но и средствами новыми — **ОТВЛЕЧЕНИЕМ ЛЮДЕЙ ОТ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ УСТАНОВКИ СОЗНАНИЯ И ИХ ПОРАБОЩЕНИЕ, ЗАКРЕПОЩЕНИЕ — ЛОКАЛЬНЫМИ И ЧАСТНЫМИ ИНТЕРЕСАМИ** (профессиональными заботами, творческими устремлениями в специальных областях, устройством материального благосостояния, личной жизнью, изобретением разных способов проведения досуга). Отвлечение от потребности ощущать себя членом единого государства достигается и с помощью страха госаппарата (который преодолевается лишь теми, кто вовлечён в диссидентское движение), и с помощью переориентации с общих на локальные структуры жизни.

Итак, в СССР 70-х гг. расширяется количество инстанций подавления (к самой советской власти сейчас добавляется целый каскад тоталитаризированных, потому что абсолютизированных локальных структур). А разве это не проявление (хоть и весьма своеобразное)

процесса плюрализации жизни? А последний, в свою очередь, разве не выражение заимствования (хоть и весьма причудливого) советской властью плюралистического принципа западных демократий? А уже сам факт такого заимствования разве не говорит о том, что на самом деле (в определённых формах) имеет место конвергенция двух систем — тоталитарной и демократической? Внешне как будто да, но в сущности своей нет, ибо всё западное извращается, попадая на советскую почву, как в сказке драгоценные камни превращаются в глиняные черепки. Плюрализация становится плюрализацией тоталитарных инстанций. Вот и вся «либерализация»!

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ ТОЛЬКО НА МАССИВНОМ И ЖИВОМ ЕСТЕСТВЕННОМ БАЗИСЕ ОБЩИХ СТРУКТУР, НА КОТОРЫХ УЖЕ СТРОЯТСЯ БОЛЕЕ ЛОКАЛЬНЫЕ. И для того, чтобы полноценно, раскованно и свободно жить этими локальными, необходимо сохранение базисных, которые несут в себе ту подноготную человеческой общности, в которой во всеединстве сливаются души и сердца.

В западных демократических обществах локальные структуры базированы на общих, в СССР же — оторваны от толщ человеческой общности, и потому не способны обеспечить полноценное приобщение к сверхличному. Отсюда у человека ощущение глубокой внутренней неудовлетворённости. Последняя может быть скрыта и от него, и от окружающих, и может выявиться только при очень глубоком личном контакте (к которому советские люди вообще не приспособлены и от которого панически шарахаются, будучи при поверхностном общении способны произвести впечатление приятных и умиротворённых, на что «клюют» легковёрные американские туристы)⁵.

Советские люди, лишённые общности, даваемой погружением в базисные — общие с: структуры — государство, нацию, религию, всё менее и менее способны понимать друг друга, сочувствовать друг другу, и потому всё более в глубине душ своих — озлобляются — на мир, на других, на самих себя.

Так и живёт советское государство, живёт без общности, формально скреплённое, человеческое сообщество без души. И всякое решение его лидеров, внутри ли, внешне ли политическое, всегда оторвано от глубины общественного бытия, и потому неизбежно является произвольным и безответственным. И потому очень легко может оказаться разрушительным для всего человечества.

